

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Индекс УДК 811.511.131

Код ГРНТИ 16.41.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-122-132

Н.В. КОНДРАТЬЕВА*

К вопросу о методах исследования языковой эрозии в билингвальном тексте (на примере русско-удмуртского двуязычия)

Статья посвящена исследованию билингвальных текстов с точки зрения установления признаков языковой эрозии, под которой понимается процесс разрушения родного языка под влиянием экстра- и интралингвистических факторов. На основе эмпирического материала, собранного в полевых условиях, а также анализа текстов современной удмуртской художественной литературы выявляются основные функции кодовых переключений, являющихся первыми репрезентантами языковой эрозии.

В работе также предлагаются примеры расчёта доли языковой эрозии текстов с адаптированными и неадаптированными к матричному языку лексическими единицами. Полученные количественные результаты предлагается ранжировать по следующим критериям: уровень 0 (ненарушенный текст) — доля языковой эрозии составляет 0–5%; уровень 1 (слабонарушенный текст) — 5–15%; уровень 2 (средненарушенный текст) — 15–30%; уровень 3 (сильнонарушенный текст) — 31–50%; уровень 4 (очень сильнонарушенный текст) — 51–75%; уровень 5 (язык находится на стадии утраты лексико-грамматических особенностей) — 76–99%. Наличие универсальных единиц для определения языковой эрозии билингвального текста позволит обеспечить сопоставимость результатов в отношении разных языковых групп, что востребовано для глубокого понимания процессов языковой адаптации и ассимиляции языковой личности.

Ключевые слова: удмуртский язык, транслингвальные практики, кодовое переключение, языковая эрозия, билингвальный текст

* **Кондратьева Наталья Владимировна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского ФИЦ Уральского отделения РАН. Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК (№ 21-512-23007).
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Удмуртский язык относится к пермской группе уральской языковой семьи. Согласно итогам переписи населения, проведённой в 2021 г., число лиц, заявивших о принадлежности к удмуртскому этносу, составило 386 465 человек. Большинство из них проживает на территории Удмуртской Республики (столица город Ижевск). Значительные диаспоры находятся в соседних регионах, таких как Татарстан, Башкортостан, Пермский край, Кировская область. Удмурты проживают также в Сибири, Поволжье и некоторых городах Центральной России.

Введение

В условиях активных языковых контактов все современные носители удмуртского языка являются активными би- или полилингвами. Однако наблюдение над спонтанной речью респондентов позволяет сделать вывод о том, что большинство носителей осознанно и/или неосознанно используют транслингвальные практики, когда в высказывании могут присутствовать два и более языков (более подробно об этом см.: [1]): удм. *мон гожй-ас'ко кылбурйосмэ дл'а души и от души* (< рус.), *вот оз'ы*. 'Я пишу свои стихи для души и от души, вот так' (д. Косоево Удмуртской Республики); удм. *кўз' гўмэрэз* (< тат.) *орччѐны фс'о жэ* (< рус.) *шўд кулэ*. 'Чтобы прожить долгую жизнь, всё же необходимо [иметь] счастье'; *мимала* (< тат.) *гужем алтай палас' кѣче ке санато'рийѐн* (< рус.) *д'ал* (< тат.) *карил'л'ам*. 'Прошлым летом они отдыхали в каком-то санатории в Алтайском крае' (д. Старая Уча Республики Татарстан).

Термин «translanguaging» (рус. транслингвизм/трансязычие), предложенный в 1980-е гг. К. Уильямсом (С. Williams), изначально применялся для обозначения педагогической практики параллельного использования английского и валлийского языков в рамках одного учебного занятия; в частности, английского языка — для чтения и восприятия материала на слух, валлийского — для беседы или выполнения пись-

менного задания на основе материалов, полученных на другом языке. Такой подход позволял учащимся в течение короткого временного отрезка многократно переключаться с одного языка на другой. Позднее предложенный К. Уильямсом термин расширил свою семантическую структуру и начал использоваться как методологический принцип и фундамент, на которых строятся различные исследования в области транскультурализма и многоязычия [2–4].

В рамках современной гуманитарной мысли транслингвизм/трансязычие принято рассматривать как «свободное оперирование говорящим единицами разных языков и способность гибко сочетать их в едином коммуникативном контексте, основанное на отсутствии чётких границ между языковыми системами говорящего» [5, с. 52]. Ряд исследователей, в частности М.Ю. Гудова [6] и М.О. Гузикова [7], к трансязычной коммуникации относят способность работать с любыми семиотическими системами, а также их контаминациями.

Важно подчеркнуть, что в рамках транслингвизма уровень взаимодействия контактирующих языков, в зависимости от цели коммуникации, может быть различным. Между тем в научной литературе на сегодняшний день не определены границы языковой эрозии в билингвальных текстах (письменных и устных), что важно для выявления механизмов ассимиляции и адаптации в условиях языковых контактов.

Кодовое переключение как проявление языковой эрозии

Процесс разрушения системы родного или хорошо освоенного языка принято рассматривать как *языковую эрозию* (или *языковую аттрицию*, от англ. *language attrition*). Он обусловлен целым рядом экстра- и интралингвистических факторов и находит выражение на всех уровнях языковой системы: в частности, на фонетическом уровне может проявляться через изменение произносительной нормы родного языка под влиянием второго языка; на фонологическом — через искажения,

вызванные адаптацией произношения к нормам доминирующего языка. На лексическом уровне признаки языковой эрозии могут проявляться в ограниченном употреблении синонимов и сниженной способности подбирать точные эквиваленты; на грамматическом — в нарушении порядка слов, использовании неверных грамматических форм слова, упрощении структуры предложений и др. Всё это оказывает непосредственное влияние на коммуникативную функцию языка.

Одним из ярких проявлений языковой эрозии в лингвистической системе является возникновение кодовых переключений, изучение которых в гуманитарной науке активизировалось с середины прошлого столетия. Как отмечает Т.С. Остапенко [8], возникновению научного интереса к указанному явлению способствовало сближение трёх исследовательских направлений: информационной теории Р. Фано [9], структурной фонологии Ч. Фрайза и К. Пайка [10] и теории билингвизма [11, 12].

В частности, У. Вайнрайх в своём труде «Languages in contact» выделил три типа результатов межъязыкового взаимодействия: 1) языковой сдвиг — когда «язык А меняется на язык В»; 2) переключение с языка на язык — в случае, когда «языки А и В могут употребляться попеременно, в зависимости от контекста коммуникации»; 3) слияние языков, т.е. смешение языков А и В «в единую языковую систему» [11].

Появление же термина «code-switching» (переключение кодов, кодовое переключение) связано с именем Г. Фогта, который предполагал, что «переключение кодов» — это не только лингвистический, но — в большей степени — психологический феномен (см. об этом подробнее: [8]).

Современное состояние теории кодового переключения представлено тремя основными научными направлениями: социалингвистическим, психалингвистическим и собственно лингвистическим [13, с. 123]. Каждый из них характеризуется своими научными методами, подходами и исследовательскими проблемами:

- а) в рамках социалингвистического подхода анализируются проблемы влияния политических, социально-демографических, культурных, исторических факторов, этнической принадлежности, социального статуса говорящего и других факторов в выборе языкового кода [14, с. 73–94; 15] и др.;
- б) психалингвистическое направление исследования теории кодового переключения ориентировано на изучение повторяющихся моделей, образцов мыслительной деятельности человека, которые способны охарактеризовать, каким образом билингв получает, накапливает, трансформирует и передаёт лингвистическую информацию из двух различных языков. К примеру, К. Майерс-Скоттон выдвигает теорию, согласно которой в любом полиязычном сообществе конкретный язык связывается с отдельными социальными ролями. Эти социальные функции учёный определяет как «наборы прав и обязанностей» (rights-and-obligations sets). Основная идея указанной гипотезы состоит в том, что в ходе диалога выбор кода происходит таким образом, что он определяет наборы прав и обязанностей собеседников в конкретной ситуации общения [16; 17, с. 113]. Одной из современных психалингвистических теорий кодовых переключений является теория триггеринга, разработанная М. Клайн [18, 19]. Согласно гипотезе учёного, переключение кодов представляет собой психалингвистически мотивированное чередование языков, которое зависит не только от намерений говорящего, но и от специфических условий речепроизводства. В этом случае основной акцент делается не на языковую систему, а на механизмы, благодаря которым происходит функционирование систем языков в мозге говорящего: одинаковые или схожие для обоих языков лексемы (слова-когнаты, межъязыковые омографы) могут выступать как триггеры (от англ. *trigger* ‘спусковой крючок’) в процессе межъязыковой коммуника-

ции, иными словами указанные лексемы приводят в действие процесс переключения кодов. В качестве слов-триггеров также могут использоваться лексемы, которые были привнесены в язык вместе с определёнными понятиями и не имеют эквивалента в принимающем языке (см. об этом: [19, с. 105]);

- в) в рамках собственно лингвистического подхода переключение кодов трактуется как чередование языков в речи на уровне лексики и грамматики. В области изучения лингвистического фактора кодовых переключений наиболее популярным является структурный (или синтаксический/морфо-синтаксический) подход, который представлен в работах Ш. Поппла [20], Э. Вулфорд [21] и др. В исследованиях лингвистического направления, как отмечают Ж. Багана и Ю.С. Блажевич, главный вопрос заключается в том, подчиняется ли процесс переключения кодов определённым правилам, и если да, то в какой степени они обязательны и универсальны [22, с. 67].

В данной статье, выполненной в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания, термин «переключение кода», или «кодовое переключение», рассматривается как лингвистическое явление, которое, с одной стороны, представляет собой переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации; с другой — это взаимодействие структур и структурных элементов двух языков. Его реализация в речи обусловлена целым рядом экстралингвистических, интралингвистических (собственно лингвистических) и психофизиологических факторов. Одно из важнейших условий возникновения явления кодового переключения — это наличие длительного би- и полилингвального языкового континуума в окружении языковой личности. В этом отношении русско-удмуртское двуязычие представлено многовековым историческим опытом.

Рассматривая функции кодовых переключений в речи, Г.Н. Чиршева пред-

лагает выделять следующие: адресатная, эмоциональная, фатическая, предметно-тематическая, эзотерическая, экономии речевых усилий, цитатная, воздействующая [23, с. 73–75; 24]. Каждая из этих функций в той или иной степени представлена и в условиях русско-удмуртского билингвизма. Важно подчеркнуть, что в указанных случаях могут реализоваться как осознанное, так и неосознанное обращения к кодовым переключениям. В основе языковой эрозии, как показывают многочисленные примеры устной спонтанной речи, чаще всего лежит вынужденный характер перехода с одного языка на другой.

В отличие от повседневного общения, использование кодовых переключений в художественных текстах носит осознанный и целенаправленный характер. В частности, на основе анализа произведений современных удмуртских авторов Е. Загребина, Дарали Лели и Богдана Анфиногенова было выявлено, что использование кодовых переключений является важным стилистическим приёмом, актуализирующим главным образом информационно-коммуникативную и эмфатическую функции художественного текста (см. об этом подробнее: [25]). Так, функция передачи информации в произведениях чаще всего реализуется через репрезентацию названий исторических и/или культурных реалий. Их главная задача — создать общий колорит времени, или указать на культурные реалии из исторического прошлого, или обозначить наиболее распространённые реалии современности.

Функция кодовых переключений, связанных с воздействием на читателя, в удмуртских произведениях представлена более разнообразно как в количественном, так и в содержательном отношении (см. об этом подробнее: [25]):

- а) кодовое переключение как репрезентация особенностей использования удмуртского языка его современными носителями. В этом контексте важно подчеркнуть, что в художественной литературе практика использования ко-

Ил. 1. Основные критерии для определения степени трансформации билингвального текста

дового переключения многие годы воспринималась как погрешность, неумение обходиться ресурсами одного языка для выражения мысли. Исследуемое явление как стилистический приём традиционно применялось лишь для создания художественного образа, когда смешение языков в речи персонажа являлось эффективным способом передачи имплицитной информации о происхождении героя, его социальном статусе, эмоциональном состоянии, об особенностях коммуникативной ситуации в целом;

- б) кодовое переключение как элемент языковой игры, позволяющий акцентировать внимание на абсурдности ситуации;
- в) кодовое переключение как фиксация лексического богатства удмуртского языка;
- г) кодовое переключение как усиление экспрессивности описываемого действия.

Важно подчеркнуть, что в зависимости от индивидуального авторского стиля писателя плотность иноязычных вкраплений в текстах различна. Использование явления кодового переключения позволяет выявить дополнительную смысловую нагрузку текста, определить тип его модально-эмоциональных смыслов, а также способствует репрезентации системы ценностей автора.

Таким образом, вышеперечисленное позволяет утверждать, что кодовые переключения не всегда являются репрезентантом языковой эрозии, но могут использоваться как специальный стилистический приём.

Методы исследования языковой эрозии билингвального текста

Если особенности художественного билингвизма находятся в поле зрения многих учёных-филологов, то вопросы языковой эрозии в билингвальных текстах, определение критериев её проявления требуют дальнейших научных изысканий. В связи с этим попытаемся разработать основные формулы для проведения экспресс-исследования (так как методика ориентируется только на характерные признаки лексического уровня) степени трансформации билингвального текста. Для этого важными критериями становятся: 1) количественные показатели: а) количество случаев кодовых переключений и б) общее количество лексем в тексте; и 2) степень адаптации словоформы в системе матричного языка: а) неадаптированные лексемы, б) адаптированные лексемы (ил. 1)

Рассмотрим каждый из указанных случаев подробнее. В качестве иллюстративного материала приведём тексты, извлечённые

ные из комментариев социальной сети «ВКонтакте», группа «Дунневыл ме́кытонъ-ёс» (<https://vk.com/club201567918>). Выбор текстов обусловлен тем, что они отражают формы речи, максимально близкие к живой разговорной манере общения.

1. Определение языковой эрозии текстов, содержащих в своей структуре неадаптированные лексемы.

Как показывают материалы, собранные от респондентов разных возрастных групп, как в устной спонтанной речи, так и в письменной могут присутствовать неадаптированные к лексико-грамматической структуре принимающего языка лингвистические единицы. Рассмотрим следующий текст: *Жечкыласько вордйськем нуналэныды! Тй зэмзэ но Гурезь, жильыртйсь Ошмес, удмурт Кизили! Йыгмыт вамышъялэ азылань! Ноку но эн пересьмелэ! Висёнъёс бордады медаз мерскелэ! Тй сы́че простой, огшоры гурт адыми, но кы́че узыр пуштрёсьем Личность! Шумпотйсько тй понна!* (от 05.05.2025). 'Поздравляю Вас с Днём рождения! Вы настоящая Гора, журчащий Родник, удмуртская Звезда! Продолжайте двигаться вперёд! Никогда не старейте! Болезни пусть не одолевают! Вы такой простой, обычный сельский житель, но многоплановая Личность! Я рада за Вас!'

Выделенные примеры представляют собой внутрифразовые кодовые переключения. Для определения процента языковой эрозии предлагается следующая формула:

$$EI = (CS / Q) \times 100\%,$$

где EI — процент языковой эрозии для текстов с наличием неадаптированных форм слова. В этом случае CS (code-switching, языковое переключение) — количество лексических единиц, представляющих собой неадаптированные лексемы, а Q — общее количество лексических единиц в тексте.

Указанный выше текст содержит две неадаптированные лексемы; всего в тексте 36 словоформ. Соответственно, $EI = (2 / 36) \times 100\% = 5,5\%$. Согласно подсчётам, процент языковой эрозии составляет примерно 5%, что указывает на отсутствие

значимых нарушений в коммуникативной структуре матричного языка.

Для сравнения рассмотрим следующий текст (сохранены авторская орфография и пунктуация): *От себя хочу ещё добавить, остэ Инмаре Анямылэн сомында, Выль кырзанесыз, а ми сое ваньзэ ум кылиське, и очень бы хотелось, Мон сое ваньзэ бордыса кылдиськисько, тем более со ваньмыз от души сётэ адыми, и Мон туж шумпотисько, что Вань милям сы́че сузэрмы, восхищаюсь, всех благ, Аня, счастья тебе, дорогая* (от 05.02.2025). 'От себя хочу ещё добавить, о Господи, у Ани столько новых песен, а мы и не слышали ещё всё, и очень бы хотелось, я всегда её слушаю со слезами на глазах, тем более это всё от души сётэ, и я всегда радуюсь, что у нас есть такая сестра, восхищаюсь, всех благ, Аня, счастья тебе, дорогая'.

Приведённый выше текст содержит 20 неадаптированных лексем, всего в тексте 50 словоформ. Соответственно, $EI = (20 / 50) \times 100\% = 40\%$.

Согласно подсчётам, процент языковой эрозии в анализируемом билингвальном тексте составляет уже 40%, что указывает на значительное нарушение лексико-грамматической структуры матричного языка.

2. Определение языковой эрозии текстов, содержащих в своей структуре адаптированные лексемы.

Процесс адаптации гостевого языка в матричном языке имеет ключевое значение для понимания механизмов межъязыковых контактов и формирования билингвального поведения. Такая адаптация может происходить по-разному на каждом из языковых уровней. В частности, при адаптации заимствованных из русского языка глаголов вербальные единицы удмуртского языка могут присоединять показатели времени и лица: *со горт кирпич коркан, улыын, нокин но уг у-лы, малы мэда строит'тизы сы́э ба́зым сойэ*. 'В том красном кирпичном доме, внизу, никто не живёт, для чего построили его таким огромным' (д. Косово Удмуртской Республики).

Таблица 1

Уровни языковой эрозии в тексте

Уровень	Характеристика	Процент языковой эрозии
Уровень 0	Ненарушенный текст	0–5
Уровень 1	Слабонарушенный текст	5–15
Уровень 2	Средненарушенный текст	15–30
Уровень 3	Сильнонарушенный текст	31–50
Уровень 4	Очень сильнонарушенный текст	51–75
Уровень 5	Язык находится на стадии утраты лексико-грамматических особенностей	76–99

Вполне логично, что при определении процента языковой эрозии билингвального/полилингвального текста коэффициент подобных словоформ должен быть немного ниже, в связи с этим предлагается следующая формула:

$$E2 = (I / Q) \times 50\%,$$

где E2 — степень языковой эрозии для текстов с наличием адаптированных словоформ. В этом случае I — количество лексических единиц, представляющих собой явление интерференции (фонетической, морфологической, синтаксической, лексической), а Q — общее количество лексических единиц в тексте.

Рассмотрим пример:

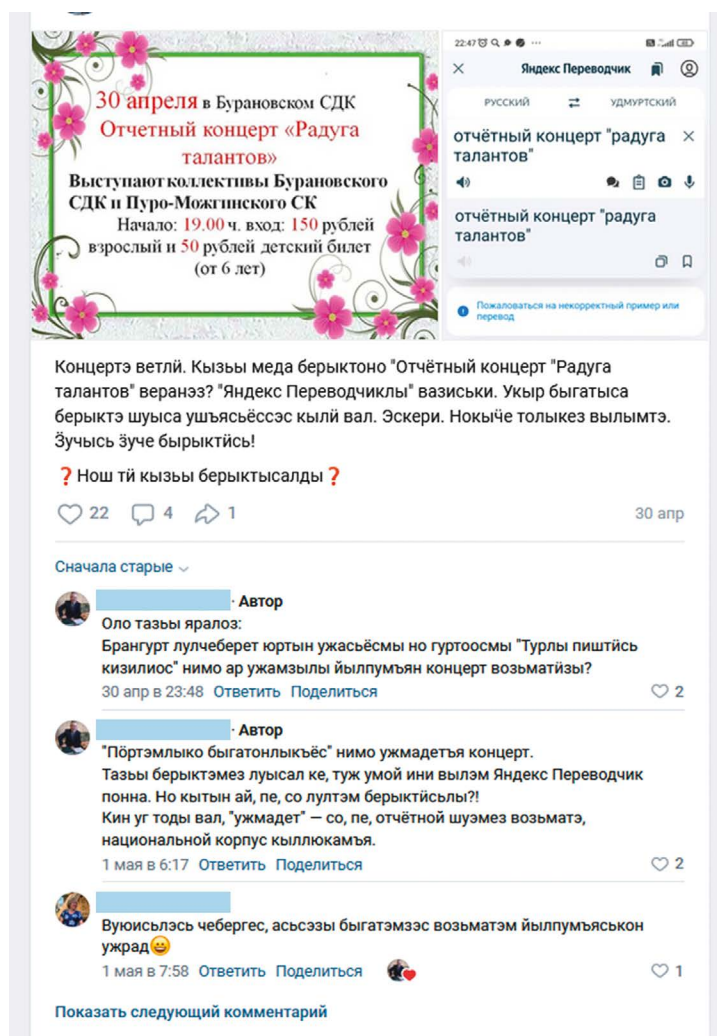
Ма туж умой верос пӧрмем. Кылыз но вӧльыт, чебер. Героиняезлэн образэз но дырлэн пӧртэмлыкез тарак жеч возматэмын. Пумыз витӧнтэм шорысь быре кадь. Ӧй но малпа вал куать авторез шуыса. Жечокъёс (от 23.01.2025). 'Хороший получился рассказ. И язык ровный, красивый. Образ героини и хронотоп показаны очень хорошо. Финал неожиданный. Даже и не подумала, что шесть авторов. Молодцы'.

Анализируемый текст содержит две заимствованные из русского языка лексемы, всего в тексте используется 30 словоформ. Соответственно, $E2 = (2 / 30) \times 50\% = 3,3\%$. Согласно подсчётам, процент языковой эрозии составляет примерно 3%, что доказывает отсутствие значительных нарушений информативной канвы предлагаемого текста.

Для сравнения рассмотрим следующий текст: *Тау тӧдъы халатэн егит нылашъёслы. Капельница пуктонсенызы жеч но лӧпкытъясь вераськонъёссы понна. Тау, СВО-ысь Саша нимо ожгарчи, юн чиданэд, бурмонлэсь азьпалзэ адъытэмед понна. Сыӵе адямиос шоры учкыса ик лул-кужым но уг юлма меда? Туннэ палатаысь-тымы кык эмкойка бушаз. Йонатским кадь. Эн виселэ!* (от 14.04.20205). 'Спасибо девушкам в белых халатах. За добрые и мотивирующие [к выздоровлению] речи во время капельниц. Спасибо военнослужащему, вернувшемуся с СВО, Саше за терпение, прогнозы. Разве благодаря таким людям не поднимается дух? Сегодня в нашей палате освободились две больничные койки. Вроде выздоровели. Не болейте!'

Анализируемый пример содержит пять заимствований из русского языка, всего в тексте используются 42 словоформы. Соответственно, $E2 = (5 / 42) \times 50\% = 5,9\%$. Согласно подсчётам, процент языковой эрозии составляет примерно 6%.

Необходимо отдельно отметить случаи, когда в тексте могут присутствовать как адаптированные, так и неадаптированные лексемы. С нашей точки зрения, подобные тексты целесообразно рассматривать по каждому из критериев отдельно. Например: *Концертэ ветлӧй. Кызъы меда берыктоно Отчётный концерт «Радуга талантов» веранэз? «Яндекс Переводчиклы» вазиськи. Укыр быгатыса берыктэ шуыса ушъясьёссыс кылӧй вал. Эскери.*

Ил. 2. Иллюстрация текста с кодовыми переключениями в билингвальном тексте (страница «ВКонтакте»)

Нокыче толыкез вылымтэ. Жучысь жуче бырыктись! (30.04.2025). 'Сходил на концерт. Интересно, как перевести название «Отчётный концерт «Радуга талантов»? Обратился к «Яндекс Переводчику». Ранее кто-то хвалил его переводы. Никакой пользы не ощутил. Переводчик с русского языка на русский!' (ил. 2).

Для определения процента языковой эрозии по указанным выше формулам рассчитаем отдельно случаи с неадаптированными и адаптированными лексемами.

$$E1 = (6 / 27) \times 100\% = 22,2\%.$$

$$E2 = (2 / 27) \times 50\% = 3,7\%.$$

Для определения суммарного процента сложим полученные результаты: $E(\text{сум}) = E1 + E2 = 22,2\% + 3,7\% = 25,9\%$

Таким образом, на основе приведённых формул можно рассчитать процент «чистоты» билингвального текста. В качестве критериев могут быть предложены показатели, предложенные в таблице 1.

Наличие универсальных единиц для определения языковой эрозии билингвального текста позволяет обеспечить сопоставимость результатов в отношении разных языковых групп, что востребовано для глубокого понимания процессов языковой адаптации и ассимиляции.

Выводы

1. Одним из ярких проявлений языковой эрозии на лексико-грамматическом уровне в условиях языковых контактов является наличие кодовых переключений.
2. Проанализировав значительное количество примеров с кодовыми переключениями, можно сделать вывод о том, что в условиях спонтанной речи участники коммуникации постоянно реализуют трансязычную коммуникативную практику, имея возможность свободно переключаться с одного языка на другой.
3. В художественной литературе наличие кодовых переключений не является свидетельством языковой эрозии билингвального текста, а выступает особым стилистическим инструментом автора, направленным на углубление семантической насыщенности и усиление смысловой нагрузки художественного произведения.
4. Создание единых критериев оценивания билингвального текста на предмет наличия языковой эрозии обеспечивает объективность и прозрачность лингвистического анализа текста, что востребовано для изучения механизмов адаптации и ассимиляции языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьева Н.В., Ильина Н.В. Транслингвизм как повседневная практика (на материале русско-татарско-удмуртского многоязычия) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 6. С. 1762–1766 DOI: 10.30853/phil20230261.
2. Lewis G., Bryn J., Colin B. Translanguaging: origins and development from school to street and beyond // Educational Research and Evaluation. 2012. № 18 (7). Pp. 641–654. https://atdle.org/wp-content/uploads/2018/07/translanguaging-origins_g.lewis2012.pdf (дата обращения: 15.05.2025).
3. Simpson J. Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas // Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference / Ed. By Colman H. New Delhi: British Council India, 2015. Pp. 207–223.
4. Головкин Н.В., Шейко Д.В. Обзор актуальных исследований транслингвизма как коммуникативной практики мультилингвов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 60–90. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-60-90.
5. Лещенко Ю.Е. Ментальный лексикон трилингва: смешение языков, переключение кодов, транслингвизм // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 51–57. <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-leksikon-trilingva-smeshenie-yazykov-pereklyucheniye-kodov-translingvizm> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Гудова М.Ю., Гузикова М.О. Модель полиязычного образования в университете: критическая теория грамотности и опыт Китая // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 2. № 2 (64). С. 186–199.
7. Гузикова М.О. Языковая среда мировых университетов в условиях интернационализации высшего образования // Перспективы науки и образования. 2019. № 6 (42). С. 158–171. DOI: 10/32744/pse.2019.6.13.
8. Остапенко Т.С. Становление понятия «переключение кодов»: междисциплинарный подход // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 171–175.
9. Fano R.M. The information theory point of view in speech communication // Journal of the Acoustical Society of America. 1950. № 22. Pp. 691–696.
10. Fries C., Pike K.L. Coexisting phonemic systems // Language. 1949. № 25. Pp. 25–90.
11. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
12. Vogt H. Language contacts // Word. 1954. № 10. Pp. 365–374.
13. Проценко А.П. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // Вестник ВГУ. Серия «Язык и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 123–127.
14. Woolard K. Codeswitching // A Companion to Linguistic Anthropology. Malden, MA: Blackwell, 2004. Pp. 73–94.
15. Milroy L., Myusken P. One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching. Cambridge: CUP, 1995. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620867>.
16. Myers-Scotton C. Comparing codeswitching and borrowing // Journal of Multilingual & Multicultural Development. 1992. 13 (1–2). Pp. 19–39.
17. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford, 1993.
18. Clyne M.G. Constraints on code switching: How universal are they? // Linguistics. 1987. № 25. Pp. 739–764.
19. Clyne M.G. Dynamics of Language Contact: English and Immigrant Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606526>.
20. Poplack Sh. What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize? // Bilingualism: Language and Cognition. 2012. № 15 (3). Pp. 644–648.
21. Woolford E. Introduction the Social Context of Creolization. Ann Arbor, MI: Karoma Publishers, 1983.

22. Багана Ж., Блажевич Ю.С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 12 (83). Вып. 6. С. 63–68.
23. Чиршева Г.Н. Введение в онтобилингвологию. Череповец: Изд-во Череповец. гос. ун-та, 2000.
24. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012.
25. Кондратьева Н.В., Оско Б. Особенности художественного билингвизма в современной удмуртской литературе (на материале поэтических текстов Б. Анфиногенова) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 3, № 13. С. 243–253. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.243-253.

On Methods of Studying Linguistic Attrition in Bilingual Text (Example of Russian-Udmurt Bilingualism)

Natalia Vladimirovna Kondratieva — Doctor of Philology, leading researcher at the Udmurt Institute of History, Language and Literature, UB RAS. The study was prepared with the financial aid of the Russian Foundation for Basic Research and the Russian Academy of Natural Sciences (No. 21-512-23007).
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

The article is devoted to the study of bilingual texts from the point of view of establishing signs of linguistic attrition, which is understood as the process of destruction of the native language under the influence of extra- and intralinguistic factors. Based on the empirical material collected in the field work, as well as on the analysis of the texts of modern Udmurt fiction, the study reveals the key functions of code switch — the first sign of linguistic attrition.

The paper also offers examples of calculating the proportion of linguistic attrition in texts with lexical units adapted and not adapted to the matrix language. The quantitative results are ranked according to the following criteria: level 0 (intact text) — the proportion of linguistic attrition is 0-5%; level 1 (mostly intact text) — 5-15%; level 2 (moderately impaired text) — 15-30%; level 3 (strongly impaired text) — 31-50%; level 4 (very strongly impaired text) — 51-75%; level 5 (the language is at the stage of losing its lexical and grammatical features) — 76-99%. The presence of universal units for determining the linguistic attrition in a bilingual text will ensure comparability of results in different language groups, which is essential for a deep understanding of the processes of linguistic adaptation and assimilation of a linguistic identity.

Keywords: Udmurt language, translingual practices, code switching, language attrition, bilingual text

REFERENCES

1. Kondrat'eva N.V., Il'ina N.V. Translingvizm kak povsednevnyaya praktika (na materiale russko-tatarsko-udmurtskogo mnogoyazychiya) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16, № 6. S. 1762–1766. DOI: 10.30853/phil20230261 (in Russian).
2. Lewis G., Bryn J., Colin B. Translanguaging: origins and development from school to street and beyond // Educational Research and Evaluation. 2012. № 18 (7). Pp. 641–654. https://atdle.org/wp-content/uploads/2018/07/translanguaging-origins_g.lewis2012.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2025).
3. Simpson J. Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas // Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference / Ed. By Colman H. New Delhi: British Council India, 2015. Pp. 207–223.

4. Golovko N.V., Sheiko D.V. Obzor aktual'nykh issledovaniy trans'yazychiya kak kommunikativnoi praktiki mul'tilingvov // Nauchnyi dialog. 2021. № 7. S. 60–90. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-60-90 (in Russian).
5. Leshchenko Yu.E. Mental'nyi leksikon trilingva: smeshenie yazykov, pereklyuchenie kodov, translingvizm // Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya. 2021. Vyp. 9. S. 51–57. <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-leksikon-trilingva-smeshenie-yazykov-pereklyuchenie-kodov-translingvizm> (data obrashcheniya: 15.05.2025) (in Russian).
6. Gudova M.Yu., Guzikova M.O. Model' poliyazychnogo obrazovaniya v universitete: kriticheskaya teoriya gramotnosti i opyt Kitaya // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2019. T. 2, № 2 (64). S. 186–199 (in Russian).
7. Guzikova M.O. Yazykovaya sreda mirovykh universitetov v usloviyakh internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2019. № 6 (42). S. 158–171. DOI: 10/32744/pse.2019.6.13 (in Russian).
8. Ostapenko T.S. Stanovlenie ponyatiya «pereklyuchenie kodov»: mezhdistsiplinarnyi podkhod // Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya. 2014. № 2. S. 171–175 (in Russian).
9. Fano R.M. The information theory point of view in speech communication // Journal of the Acoustical Society of America. 1950. № 22. Pp. 691–696.
10. Fries C., Pike K.L. Coexisting phonemic systems // Language. 1949. № 25. Pp. 25–90.
11. Vainraikh U. Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya. Kiev, 1979 (in Russian).
12. Vogt H. Language contacts // Word. 1954. № 10. Pp. 365–374.
13. Protsenko A.P. Problema pereklyucheniya kodov v zarubezhnoi lingvistike (kratkii obzor literatury za poslednie desyatiletia) // Vestnik VGU. Seriya «Yazyk i mezhkul'turnaya kommunika-tsiya». 2004. № 1. S. 123–127 (in Russian).
14. Woolard K. Codeswitching // A Companion to Linguistic Anthropology. Malden, MA: Blackwell, 2004. Pp. 73–94.
15. Milroy L., Myusken P. One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching. Cambridge: CUP, 1995. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620867>.
16. Myers-Scotton C. Comparing codeswitching and borrowing // Journal of Multilingual & Multi-cultural Development. 1992. 13 (1–2). Pp. 19–39.
17. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford, 1993.
18. Clyne M. G. Constraints on code switching: How universal are they? // Linguistics. 1987. № 25. Pp. 739–764.
19. Clyne M.G. Dynamics of Language Contact: English and Immigrant Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606526>.
20. Poplack Sh. What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize? // Bilingualism: Language and Cognition. 2012. № 15 (3). Pp. 644–648.
21. Woolford E. Introduction the Social Context of Creolization. Ann Arbor, MI: Karoma Publishers, 1983.
22. Bagana Zh., Blazhevich Yu.S. K voprosu o pereklyuchenii kodov // Nauchnye vedomosti. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2010. № 12 (83). Vyp. 6. S. 63–68 (in Russian).
23. Chirsheva G.N. Vvedenie v ontobilingvologiyu. Cherepovets: Izd-vo Cherepovets. gos. un-ta, 2000 (in Russian).
24. Chirsheva G.N. Detskii bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov. SPb.: Zlatoust, 2012 (in Russian).
25. Kondrat'eva N.V., Osko B. Osobennosti khudozhestvennogo bilingvizma v sovremennoi udmurtskoi literature (na materiale poeticheskikh tekstov B. Anfinogenova) // Finno-ugorskii mir. 2021. T. 3, № 13. S. 243–253. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.243-253 (in Russian).